

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Олег Михайлов

Жизнь Куприна

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84-4
М69

Михайлов, О.

М69 Жизнь Куприна / О. Михайлов. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 412 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74604-0

Книга писателя и литературоведа Олега Михайлова (1932–2013) «Жизнь Куприна» повествует о жизни великого русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870–1960), автора блестящих рассказов о жизни простых людей начала XX века. В историко-биографическом романе, основанном на огромном фактографическом материале, ярким и образным языком автор-исследователь рассказывает о жизни писателя, во многом нашедшей отражение в его известнейших произведениях «Гранатовый браслет», «Олеся», «Поединок», «Яма».

Книга входит в золотую серию «Жизнь замечательных людей», основанную М. Горьким.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC009030

ISBN 978-5-521-74604-0

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Текст. О. Михайлов,
наследники, 2018

«Возвращение Куприна в Советский Союз.

29 мая выехал из Парижа в Москву возвращающийся из эмиграции на родину известный русский дореволюционный писатель — автор повестей «Молох», «Поединок», «Яма» и др. — Александр Иванович Куприн»

(ТАСС).

«Правда», 1937, 30 мая, № 148

Удивительная и трагическая судьба.

Раннее сиротство (отец, мелкий чиновник, умер, когда мальчику был год); непрерывное семнадцатилетнее затворничество во всякого рода казенных заведениях (московский сиротский дом, военная гимназия, кадетский корпус, юнкерское училище); затем, после нескольких лет унылой военной службы в провинции, выход в отставку, полуголодное существование человека без профессии; первые литературные удачи, стремительный взлет: слава, деньги, кутежи, безудержная трата сил и — в эмиграции, в далеком Париже — быстрое физическое угасание, нужда, жестокая и непрерывная тоска по России; наконец осуществившаяся мечта вернуться на Родину...

Глава первая

У ЧЕХОВА

1

Белый каменный домик в Аутке осаждали посетители.

Ученые, литераторы, земские деятели, доктора, военные, художники, профессора, светские люди, сенаторы, священники, актеры — бог знает кто еще не приезжал сюда. На железных решетках, отделяющих усадьбу от шоссе, целыми днями висли, разинув рты, девицы в белых войлочных широкополых шляпах.

— Антон Павлович занят и никого не принимает, — заметно заикаясь, объяснял полной даме Сергей Яковлевич Елпатьевский, беллетрист, гордившийся тем, что образование врача позволяло ему в Ялте следить за здоровьем Чехова. — Кроме того, он чувствует себя неважно...

Сухое покашливание прервало его тираду. Чехов, высокий, стройный, с усталым и добрым лицом, щурясь через пенсне, стоял у входа:

— Вы забыли, господа, что я тоже лекарь.

— Антон Павлович! — закричала дама неожиданным дискантом и легко отодвинула Елпатьевского с дороги. — Перед вами вдова акцизного чиновника, страстная почитательница вашего хмурого таланта! О, только поглядеть на вас, побеседовать с вами — какое это сча-

стве! Я так люблю ваши сочинения...

— Какие же именно, смею спросить? — низковатым голосом проговорил он.

— «Каштанка»... — пролепетала она, порывисто дыша. — И еще... «Гуттаперчевый мальчик»... Как это? Да помогите же, господа!

Чехов снял пенсне и твердо сказал:

— Доктор Куприн прав. Вам надо немедленно ехать лечиться. На кумыс! В Башкирию! Сергей Яковлевич, проводите больную...

Чехов надел пенсне и захохотал — беззаботно, мальчишески:

— Нет, вы видели? И сколько таких поклонниц! Вы обратили внимание? У этой дамы такой вид, словно под корсажем у нее жабры!

Куприн усмехнулся, но тут же возразил армейской скороговоркой:

— По мне бы, Антон Павлович, нечего с ней рассусоливать. От ворот поворот. Без экзаменовки... А то все вокруг только тем и заняты, что мешают вам работать. Право, заговор какой-то! Да еще я навязался на вашу голову...

— Ай-яй-яй! — Чехов улыбался добро и грозил пальцем. — Вы позабыли, что мы сегодня трудимся вместе.

Он пропустил Куприна и пошел с ним к дому маленьким садом, где только зацветали абрикосы и миндаль, — высокий, в мягкой черной шляпе и пальто, постукивая тросточкой.

— У меня вчера была чудесная встреча... На набережной вдруг подходит ко мне офицер-артиллерист,

совсем молодой еще, поручик. «Вы Антон Павлович Чехов?» — «Да, это я. Что вам угодно?» — «Извините меня за навязчивость, но мне так давно хочется пожать вашу руку!» — и покраснел. Такой чудесный малый, и лицо милое. Пожали мы друг другу руки и разошлись...

Куприн слушал его и, морщась, ругал себя за то, что отнимает время у этого деликатнейшего из когда-либо встречавшихся ему людей. Посетители и гости донимали Чехова, даже раздражали его, но он со всеми оставался ровен, терпеливо внимателен. Безотказная доброта Чехова доходила до той трогательной черты, которая уже граничила с безволием.

Он готов был повернуться и убежать. Как неудобно все выходит! Приехал с Буниным из Одессы в Ялту, остановился за Ауткой, нанял комнатуху в шумной и многочисленной греческой семье. И черт дернул пожаловаться Чехову, что в такой обстановке работать невозможно. И вот Чехов настоял, чтобы Куприн непременно приходил к нему с утра и занимался внизу, рядом со столовой. «Вы будете внизу писать, а я наверху, — говорил Чехов со своей обезоруживающей, доброй улыбкой. — А когда кончите, непременно прочтите мне или, если уедете, пришлите хотя бы в корректуру...»

Куприн привык писать где-нибудь «на тычке», на кончике стола, среди шума и редакционной толкотни, а тут отдельная комната и полная тишина! Он приходил утром работать, а Чехов озабоченно спрашивал, сдвигая брови: «Может быть, перо не годится? Вы не стесняйтесь! Я по себе знаю — иногда из-за плохого, скрипучего пера вся работа идет черт знает как».

Здесь, в чеховском домике, Куприн писал рассказ «В цирке» — о могучем и добродушном борце Арбузове.

Работалось ему весело, но все же ухо было повернуто назад, к двери. И иногда он отчетливо слышал, как Чехов, проходя по коридору, вдруг начинал ступать как-то по-другому, осторожно, всей пяткой, чтобы не производить лишнего шума, или шикал на горничную Марфушу, когда она гремела посудой. Все это трогало Куприна...

— Пишете вы с завидной увлеченностью, — проговорил Чехов, входя с Куприным в большую прохладную столовую.

— Еще бы! — ответил Куприн. — Тема сама по себе не больно сложная — смерть борца после состязания, которое нельзя отменить. Профессиональный атлет, даже полуинтеллигент, должен состязаться с американцем Джоном Ребером. Он уже внес сто рублей на пари и афиши выпущены. Но с утра он чувствует озноб и лень во всем теле.

Видит на репетиции утром своего противника — тот тренируется — и ощущает страх. Вечером борется, побежден и умирает...

— Тут много психологии, — заметил Чехов.

— И какие подробности! Цирк днем во время репетиции и вечером во время представления, жаргон, обычаи, костюмы, описание борьбы, напряженных мускулов и цирковых поз, волнения толпы...

— Цирк вы знаете лучше, чем я, — сказал Чехов. — А вот по лекарскому делу я обязан преподать вам лекцию. — И прибавил требовательным баском: — В этих